

УДК 231.2

DOI 10.23683/2227-8656.2017.6.28

**ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР
В ГЕНДЕРНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ
И ПРОЦЕССАХ:
КАВКАЗСКИЙ РАКУРС**

**THE ETHNIC FACTOR
IN GENDER
RELATIONS
AND PROCESSES:
CAUCASIAN CASE**

Тауканова Зарема Чамиловна

Аспирант кафедры философии
Кабардино-Балкарского государственного
университета,
г. Нальчик,
e-mail: zaremataukanova@qmail.com

Zarema Ch. Taukanova

Post-graduate student,
Kabardino-Balkar
State University,
Nalchik,
e-mail: zaremataukanova@qmail.com

В статье анализируются особенности влияния этнического фактора на гендерные отношения и процессы в том числе в необычной форме – в форме гендерной инверсии; рассматриваются также особенности нынешнего состояния этнологической науки в национальных регионах, препятствующие объективным исследованиям гендерных феноменов и их роли в бытии этноса.

This article analyzes the features of influence of the ethnicity on gender relations and processes including the form of gender inversion; also the features of the current state of Ethnology in the national regions, hampering the objective study of the gender phenomena and its role in the ethnos existence are discussed.

Ключевые слова: гендер, этнос, структура этнического социума, гендерные процессы, гендерные отношения, межпоколенческие отношения, отношения конкуренции-солидарности, институт старшего.

Keywords: gender, ethnicity, ethnic structure of society, gender processes, gender relations, intergenerational relationships, relationships of competition-solidarity, Institute of senior.

В ряду тех направлений социально-гуманитарной мысли, которые получили развитие в постсоветской России, т.е. с 90-х гг., находится гендерология – проблематика пола и отношения полов во всех измерениях: политических, экономических, культурных, правовых,

психологических. Однако история этого направления исследования берет начало в европейской науке.

Первым этапом осмысления гендерной проблематики (еще до появления дефиниции «гендер») стали так называемые женские исследования (women studies), которые являли собой полидисциплинарный подход к анализу и осмыслению положения женщины, в традиционалистских (патриархальных) обществах в целях выявления и систематизации проблем женщин в этих обществах и поиска путей их решения. Однако начиная с 50–60-х гг. XX в. эти исследования обретают системность и нарастающую активность под влиянием феминизма, берущего начало в те же годы в общем контексте деколонизации и постколониальных трансформаций мира после Второй мировой войны [2]. Именно на этом этапе проблематика феминистского движения становится чрезвычайно обширной – от требований социального равенства мужчин и женщин до проблем экофеминизма и трансгендерности, что актуализировало фактически все аспекты положения женщины в обществе и культуре, а также отношений полов, т.е. всю гендерную проблематику.

Таким образом, феминизм, будучи политическим и культурным движением, притязает еще и на модус парадигмы гендерных исследований, что, разумеется, не могло гарантировать строгости и идеологической беспристрастности в отношении этих исследований. В этом контексте введение Р. Столлером термина «гендер» в тех же 60-х гг. можно понимать как очевидную попытку ввести проблематику отношений полов в объективные рамки науки – научного, неполитизированного дискурса. Тем более что ключевая идея Столлера заключалась именно в разделении «биологического» и «культурного» в человеке. При этом изучение пола (sex) он относил к предметной области биологии и физиологии, а анализ гендера (gender), т.е. социально-культурного в системе отношений он – она – общество – культура, – к компетенции психологии, социологии, истории, культурологии [1]. Эти идеи положили начало формированию специального направления в гуманитарной науке – гендерных исследований.

Что касается России, здесь гендерные исследования, как уже отмечено, стали возможны без идеологической цензуры и прочих ограничений лишь с 90-х гг. И что характерно, в развитии нашей отечественной гендерологии существенную (если не ключевую) роль играет рецепция европейского опыта, имеющего так или иначе феминистскую детерминацию. К тому же в условиях глобализации пространства науки наша отечественная гендерология, наиболее успешно представ-

ленная разве что в крупных мегаполисах России, так или иначе следует (вынуждена следовать) и европейской тематике гендерных исследований, фокусируясь, скажем, на постмодернистской интерпретации гендера и сексуальности (или рационально критикуя их), а также на «гендерной лингвистике» и «гендерных стереотипах в массмедиа» [2].

В то же время Россия остается пространством особой цивилизации, включающей наряду с европеизированной культурой мегаполисов десятки традиционных этнических культур. Более того, как это повелось с 90-х гг., исследования и интерпретации этих культур (включая и проблематику гендера и этногендерных отношений) стали монополией региональной науки и ее этноцентричного пространства – университетов, НИИ и лабораторий на местах. В итоге сегодня на арене отечественной социально-гуманитарной науки сосуществуют два гендерологических дискурса, пока, увы, мало влияющих друг на друга. Речь идет, с одной стороны, о «гендерологии российских мегаполисов» и центров социально-гуманитарной науки (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону и др.), которая опирается практически на весь методологический арсенал постклассической науки, занята всем современным тематическим спектром рассматриваемого направления исследований и развивается особенно динамично в модусе гендерной социологии. С другой – существует своеобразный этнологический вариант гендерного дискурса, который базируется на методологии этноцентризма, что сводит гендерологию к культурно-символическим измерениям гендера и к романтизации архаичных гендерных отношений в социальном бытии этноса или же к «избранным женским историям» – к описанию страданий женщин в трудные годы, примеров (фактов) их нежной преданности стране, роду, любимому мужчине [3–6].

Между тем реальности глобального мира вторгаются и в бытие этносов, корректируя практически все аспекты этнической культуры, в том числе модели и стереотипы гендерных отношений, что особенно ярко проявилось в социально-культурных трансформациях на заре 90-х гг., хотя это пока не находит должного отражения в этнологических науках или же отражается в ключе «негативных последствий» неудачных реформ ельцинской эпохи.

С учетом изложенных обстоятельств нами предпринимается попытка позитивистского анализа гендера и гендерного фактора в контексте постсоветских российских трансформаций в проекции на бытие южнороссийских этносов. Речь идет о результатах многолетних наблюдений за трансформациями социально-культурного бытия ряда этнических сообществ (кабардинцы, балкарцы, адыгейцы, черкесы,

чеченцы и др.). Перечисленные сообщества хорошо изучены и детально описаны в общепринятых этнографических измерениях, в частности, в плане традиций, обычаев, норм и стратегии поведения, правил коммуникации, а также особенностей внутрисоциумных отношений: родства, брачных и межпоколенческих отношений, отношений конкуренция – солидарность.

Однако проблема в том, что в дискурсах российской этнологии и гендерологии указанные кавказские этносы и сегодня вне общего контекста реально происходящего подаются как консервативные, не проницаемые для новации и прогресса, герметично замкнутые на свои «архаичные культуры» [7]. В итоге на российской дискурсивной арене так и бытует предубеждение о «вторичности женского пола» в пространстве кавказских культур и «порабощенности женщин» в их рамках. На наш взгляд, эти ошибочные стереотипы отчасти базируются на особенностях генезиса гендерной культуры на Кавказе в советское время (условно говоря, на стереотипах кинофильма «Кавказская пленница»).

И в самом деле, как это ни парадоксально, у кавказских этносов за долгие годы существования советской системы так и не прижилась советская модель равноправия мужчин и женщин, которая в буквальном смысле уравнивала всех, обувая и женщин в кирзовые сапоги и отправляя их в шахты и на лесоповалы, – модель, по сути являвшая собой своеобразный вариант феминистского экстремизма. Кавказские женщины на протяжении всей советской эпохи вплоть до 90-х гг. так и оставались в «пространстве второго пола» – воспитателей детей, учительниц, продавщиц магазинов, домохозяек; они не рвались в шахтеры, лесорубы, генералы, что так или иначе стало поводом квалифицировать данные этнические сообщества и их культуры как «отсталые», «средневековые», где женскому полу уготовано порабощение. Однако эта ситуация изменилась радикально и за короткое время в 90-е гг. Ответ на непростой вопрос, как это стало возможным, кроется в учете специфических особенностей социально-культурного бытия рассматриваемых этносов. Подобных особенностей по меньшей мере три.

Первая – исключительная роль и значимость горизонтально-секторальных отношений в кавказских этносоциумах.

Дело в том, что такие структуры кавказского этносоциального бытия, как родственная семья (сообщество семей родных и двоюродных братьев и сестер, племянников и внуков, имеющих общих предков), род, тейп, тухум, активно (материально, морально) поддерживают любого своего члена, защищая его в трудных ситуациях и жизнен-

ных невзгодах, в том числе и от избыточного давления внешних факторов и обстоятельств (мнения, формируемого за пределами данной общности, религии и даже институтов власти). В этом смысле жизнь кавказца протекает одновременно в двух социальных пространствах: в общероссийском – с его политической и идеологической культурой, институтами формального права и власти, механизмами отчуждения, а также в этносоциальном (семейном, клановом) пространстве горизонтально-секторальных отношений, где ему всегда гарантированы поддержка и забота («жизненное прибежище»).

Вторая – легитимация в бытии рассматриваемых этносов только одной формы (модели) брака и образования новой семьи – в форме замужества. Речь идет о том, что на Кавказе женщина в буквальном смысле выходит замуж, т.е. покидает свою семью и переселяется в семью мужа, в его секторальное этносоциальное пространство (семью, род, клан, тейп), хотя при этом за ней сохраняются принадлежность к роду, откуда она выходит, и поддержка этого рода.

Таким образом, активными носителями и строителями связей между кланово-родовыми секторами этносоциального пространства являются именно женщины, что едва ли вяжется с амплуа «второго пола».

Ситуации, когда мужчина, заключая брак, переходит в семью (род) жены, случаются крайне редко и воспринимаются как маргинальные. Но при этом, что характерно, подобный брак считается минусом именно для репутации мужчины, но не женщины. Так что в пространстве кавказской культуры за женщиной больше свободы в выборе модели брака, что также плохо вяжется с амплуа «второго пола».

И наконец, третья особенность – полярный характер отношений солидарность – конкуренция в сообществах мужчин и женщин в пространстве кавказских этносов. Ситуация здесь такова, что в отношениях мужчин (между мужчинами) доминирует конкуренция вплоть до ее самых острых (агонических) форм, в то время как между женщинами (в их публичных отношениях) доминирует солидарность [8]. У нас, как и у кавказской этнологии, нет объяснения данному феномену, который сложился, вероятно, в определенных условиях истории и генезиса кавказских этносов. Однако очевидно, что доминирующая модель брака «женщина переходит в семью мужа» непосредственно связана с феноменом гендерной зависимости отношений (конкуренция – солидарность) в кавказском социуме – ведь девушка, выходя замуж, оказывается под кураторством и опекой матери мужа, и прочность молодой семьи зависит едва ли не в первую очередь от эмпатий и солидарности

этих женщин. В то же время у кавказского мужчины практически нет шансов переселиться в дом отца своей молодой жены в надежде снискать в этой семье терпимые, уважительные и теплые отношения, поскольку подобный брак в социуме воспринимается как маргинальный и несовместимый с авторитетом мужчины (что касается не только жениха, но и репутации отца невесты).

Здесь мы подошли к ключевому аспекту нашего анализа – культура, как известно, являет собой прежде всего всеохватный механизм адаптации человека к условиям существования (природным, социальным). В этом смысле резкие изменения условий бытия любой социальной общности являются вызовом, требующим ответа от этой общности, т.е. активных действий с его стороны, скажем, перестроения форм и механизмов своего бытия, изменений в культуре. Это касается, понятно, и кавказских этносов, их культурных специфик, включая и гендерную культуру.

История рассматриваемых этносов сложилась так, что на протяжении XX в. они дважды оказывались в ситуации радикального изменения социально-политических условий существования, т.е. в ситуациях острого вызова. Речь, в частности, идет о революции 1917 г. и последовавшем установлении в России тоталитарной советской системы, а также о «шоковых» либертарианских реформах 90-х гг.

Как же отреагировали на эти вызовы социальное бытие и культуры рассматриваемых этносов, в том числе их гендерная культура?

Как это ни парадоксально на первый взгляд, радикальные изменения в культуре, в частности в гендерном балансе в пространстве кавказских культур, произошли не в пору советских реформ под конструктивистским лозунгом «Мы новый мир построим», а в 90-х гг. В этом контексте остается лишь констатировать, что постсоветские реформы оказались более радикальным вызовом в адрес традиционных норм, форм и укладов этнического бытия. Ведь ельцинские реформы, плохо подготовленные и поспешно проводимые в условиях острых политических конфликтов, привели к обвальному разрушению экономики страны и ее внутренних рынков. В этой ситуации доминирующей формой экономической деятельности в стране на какой-то период стал так называемый челночный бизнес (которым в ту пору занимались даже будущие миллиардеры Р. Абрамович, А. Хлопонин, А. Потанин). При этом предстояло развернуть челночный бизнес в условиях практически полного отсутствия в стране рыночной инфраструктуры (устойчивые банки, доступный кредит, маркетинг, консалтинг, логистические услуги). К тому же частный бизнес в России в ту пору был

«неведомой тропой» рисков и опасностей. Как добыть стартовые деньги, приобретать товар за границей и доставлять домой, обеспечивать при этом собственную безопасность и безопасность своих товарно-денежных операций?

Оказалось, что все эти вопросы (от фрахтовки чартерных авиарейсов в Турцию до обеспечения сносной безопасности бизнеса) можно решить, перешагнув психологический барьер страха перед неизвестностью по имени «челночный бизнес» – с опорой на женскую солидарность и коллективное взаимодействие, присущие кавказским этническим культурам, в то время как этого не удавалось (оказалось невозможно сделать) соперничающим между собой мужчинам. При этом стартовым капиталом, как правило, становились скромные деньги от продажи своих (женских) украшений, накопленных в небогатую советскую пору.

Так, в экстремальных условиях 90-х гг., когда российскому населению грозил массовый голод, в этнокультурном пространстве Кавказа случилось нечто из ряда вон выходящее – «гендерная революция», в результате чего на позиции «первого пола» и кормильца семьи вышла женщина, отодвинув мужчину на роли «второго пола», которому оставалось лишь присматривать за домом и детьми. Правда, эта революция (а точнее – гендерная инверсия), как и можно было ожидать, сопровождалась и серьезными издержками – резким ростом алкоголизма среди мужчин, чего прежде не было в среде кавказцев.

Именно этот негативный аспект заслонил в восприятии и интерпретациях региональной (местной) этнологии саму суть гендерной инверсии, случившейся в недрах кавказского этносоциального бытия.

Но самое главное в данном случае заключается в другом – ход российской этносоциальной истории в 90-х гг. положил конец расхожему мифу об архаичности кавказских культур (гендерной культуры – в том числе), а значит, их непроницаемости для инноваций, изменений, прогресса в плане отклика на вызовы времени, в плане самокоррекции, развития.

Между тем гендерная инверсия в кавказском этнокультурном мире, случившаяся в общем контексте постсоветских трансформаций России, имеет ныне массу последствий, которые проявляются в культуре и повседневной жизни в самых различных формах – в моде, динамизме повседневной жизни, поведенческих стратегиях женского населения. Так, по нашим наблюдениям, г. Нальчик (столица Кабардино-Балкарии) по количеству женщин за рулем автомобиля или числу

девушек в модных брючках и джинсовых нарядах еще посоперничает с любимым российским мегаполисом.

Но, пожалуй, самым странным и труднообъяснимым в истории кавказской гендерной инверсии представляется то обстоятельство, что она не случилась в советское время. Ведь идеология и стратегия советской системы ставили на первый план именно социальный конструктивизм – формирование «нового человека, свободного от любых пережитков прошлого», т.е. от паттернов этнических культур, прежде всего от их гендерных моделей, которые и трактовались как пережитки прошлого и признаки отсталости. Однако при внимательном анализе фактов все становится на свои места: это только в пропагандистской риторике советские реформы в этнических регионах представляли как «революционные». На самом деле ставка советского строительства на политику «национальной автономии», с одной стороны, и на колхозную экономику – с другой, так и не дала революционных эффектов в сфере семейно-бытового уклада и гендерных отношений в жизни кавказских этносов. Напротив, эти реформы привели к сохранению и укоренению на долгие годы в этнических регионах России общинно-патриархальных форм социального, экономического и культурного бытия.

Дело порой доходило до того, что границы земельных наделов бригад (на основе которых и строилось колхозное производство) совпадали с границами вчерашних родовых и фамильных наделов земли – люди как бы оставались на своих землях, в своих хозяйствах и при привычных занятиях. В этом плане показательно, что к 90-м гг. XX в., т.е. в канун краха советской системы, городское население в республиках Северного Кавказа не превышало 40–50 % населения (10), т.е. большинство населения этих регионов так и оставалось в архаично-общинном бытии сельской жизни и культуры.

Если учитывать эти факты, о глубине и масштабности перемен в обществе под влиянием различных исторических и политических обстоятельств можно (и следует) судить по характеру изменений гендерных отношений и балансов.

Изложенное, как нам представляется, дает основание к следующим выводам:

1. Модель гендерных отношений, будучи одной из базовых характеристик социальной общности (этноса, в частности), детерминирована прочими специфическими социально-культурными характеристиками этой общности (уровень развития и формы проявления отношений конкуренция – солидарность, характерные для этой общности

модели семьи и брачной практики, особенности референциальных отношений в этой общности).

2. Гендерная модель и ее изменения могут служить в роли индикатора глубины социальных и социально-культурных трансформаций в обществе.

3. Трансформация гендерной модели является одной из форм ответа социума на критические вызовы в его адрес; они происходят спонтанно и не могут быть вызваны методами политической мобилизации или идеологического давления.

Литература

References

1. Гендерная социология [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 22.06.2017).
2. Савченко Л.А., Вялых Н.А. Двенадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные трансформации в современном мире» // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 2. С. 146–147.
3. Текуева М.А. Гендерные архетипы народов Северного Кавказа (по нартскому эпосу) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 6 (68). С. 154–158.
4. Гугова М.Х. Женщины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. Нальчик : Изд-во КБИГИ, 2015. 94 с.
5. Текуева М.А. Женские суеверия и страхи в условиях военной повседневности // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 6. С. 93–97.
6. Смирнова Н.А., Шогенцукова Н.А. К границам цивилизационной идентичности России // Философские науки. 2011. № 1. С. 78–87.
7. Кумыков А.М., Тхагапсоев Х.Г. Кавказская идентичность в современных процессах социально-культурной трансформации // Философские науки. 2011. № 1. С. 61–77.
8. Тхагапсоев Х. Г. Кавказ в ракурсе российской социокультурной трансформации // Государственная служба. 1999. № 4 (6). С. 47–55.
1. Gendernaya sotsiologiya [Elektronnyy resurs]. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (data obrashcheniya: 22.06.2017).
2. Savchenko L.A., Vyalykh N.A. Dvenadtsatye Mezhdunarodnye gendernye chteniya «Gendernye transformatsii v sovremennom mire» // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki. 2015. № 2. P. 146–147.
3. Tekueva M.A. Gendernye arkhetipy narodov Severnogo Kavkaza (po nartskom u eposu) // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2015. № 6 (68). P. 154–158.
4. Gugova M.Kh. Zhenshchiny Kabardino-Balkarii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Nal'chik : Izd-vo KBIGI, 2015. 94 p.
5. Tekueva M.A. Zhenskie sueveriya i strakhi v usloviyakh voennoy povsednevnosti // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2012. № 6. P. 93–97.
6. Smirnova N.A., Shogentsukova N.A. K granyam tsivilizatsionnoy identichnosti Rossii // Filosofskie nauki. 2011. № 1. P. 78–87.
7. Kumykov A. M., Tkhapsoev Kh. G. Kavkazskaya identichnost' v sovremennykh protsessakh sotsial'no-kul'turnoy transformatsii // Filosofskie nauki. 2011. № 1. P. 61–77.
8. Tkhapsoev Kh. G. Kavkaz v rakurse rossiyskoy sotsiokul'turnoy transformatsii // Gosudarstvennaya sluzhba. 1999. № 4 (6). P. 47–55.

Поступила в редакцию

30 октября 2017 г.